

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

О КИРГИЗЪ-КАЙСАКАХЪ И СНОШЕНІЯХЪ РОССІИ СЪ СРЕДНЕЮ АЗІЕЮ
СО ВРЕМЕНИ КОНЧИНЫ АБУЛЪ-ХАЙРЪ ХАНА (1748—1765 Г.).

СОЧИНЕНІЕ

В. В. Велѣминова-Зернова,

ТОМЪ 2.

ТЕТРАДЬ 1-Я.

ИРБИС

К ⁰⁹
В-287

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

КИРГИЗЪ-КАЙСАКАХЪ И СНОШЕНІЯХЪ РОССИИ СЪ СРЕДНЕЮ АЗІЕЮ

СО ВРЕМЕНИ КОНЧИНЫ АБУЛЪ-ХАЙРЪ, ХАНА (1748—1765 Г.).

СОЧИНЕНІЕ

В. В. Вельяминова-Зернова,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.

ТОМЪ 2.

ТЕТРАДЬ 1-Я.

УФА.

ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1855.

Пока Аблай и преданные ему Кайсаки, заботясь о своемъ благосостояніи, прибѣгали къ покровительству. Оренбургскаго Начальства, Малая Орда, находясь въ безопасности отъ притязаній вѣшнихъ враговъ, шла инымъ путемъ, и Киргизы ея, въ особенности дальніе, пренебрегая внушеніями Правительства, предавались грабежу и разбою.—Ханъ и Султаны не всегда имѣли довольно силы удержать подданныхъ, и увѣщанія ихъ оставались нерѣдко тщетными.

Хищничества въ степи начались по весьма незначительной причинѣ. Осенью 1763 г., кочевавшіе около Хивы, Ямудскіе Трухмены и съ ними Хивинскіе Узбеки, мстя за то, что Дюрткаринцы не задолго предъ тѣмъ разграбили Хивинскіе и Трухменскіе караваны, отогнали у Чумекеевца Алучи Аллаяра, у сына нѣкогo Худай-Бія,—Кожкулака, и у другихъ Чумекеевцевъ и Чиклинцевъ, до 10,000 лошадей, ходившихъ по Кувану, Яны и другимъ степнымъ рѣчкамъ. Нѣсколько человекъ бросились было въ слѣдъ за грабителями, но, не отыскавъ ихъ, возвратились. Тогда выѣхалъ самъ Аллаяръ съ дѣть-

ми своими люди его встрѣтили на той сторонѣ Сыръ-Дарьи, по рѣкѣ Кувань, въ урочищѣ Бурлы-Башъ, караванъ разграбили его, однако хозяевъ не взяли въ плѣнь, отпустили обратно въ Бунехару.

Къ несчастію, этимъ грабежи прекратились. Лѣтомъ 1764 г. Аллаяръ взялся препроводить изъ Бухары въ Оренбургъ одинъ караванъ изъ 200 верблюдовъ, слѣдовавшій при Караванъ-Башѣ Нигмет-Джанѣ. Выведя его изъ своихъ улусовъ, Аллаяръ, съ братьями и племянниками, при 130 человекѣхъ Чумекеевцевъ и Дюртькаринцевъ, разграбилъ его не въ далекѣ отъ Орской крѣпости при горѣ Карачатау (рапортъ Полковника Корфа 29 Іюля 1764 года). Хищники раздѣлили между собою верблюдовъ и лошадей, однако хозяевамъ не причинили ни какого вреда, и отправили ихъ назадъ въ Бухару, давъ на каждыхъ двухъ человекѣхъ по одному верблюду (*).

Вѣсть объ этомъ буйствѣ не замедлила дойти до Оренбурга; ее привезъ въ Іюнѣ 1764 года, Гуляевъ, ѣздившій къ Ираію (**) съ Высочайшею грамотою, и съ пись-

(*) Показаніе участвовавшаго въ грабежѣ Менглибека. Этотъ Менглибекъ былъ родомъ изъ нижнихъ Каракалпаковъ, кочевавшихъ около Хивы; лѣтъ за шестнадцать предъ этимъ, при разграбленіи Киргизами Каракалпаковъ, онъ попалъ въ плѣнь въ Малую Орду въ Чумекеевскій родъ, и сначала находился тутъ въ услуженіи у одного Киргиза, а по томъ «пришедъ въ состояніе самъ собою» остался кочевать въ его улусѣ.

(**) Ираи только что получилъ новый знакъ милости Царской: Указомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 29 Февраля 1764 года, велѣно ему было, согласно съ представленіемъ бывшаго Губернатора Волкова, выдавать по 350 руб. въ годъ.

момъ отъ Вице-Канцлера Князя А. М. Голицына. Въ-стѣ съ тѣмъ Гуляевъ объявилъ, что другой Бухарскій караванъ Ирпазара Максютова (изъ 350 верблюдовъ), гдѣ находилась и вещи, закушленные Ирпазаромъ для Императорскаго Двора, удержанъ по входѣ въ Чумекеевскій родъ, вожаками его, дѣтьми Худай-Бія (Туркабиемъ, Копкулакѣмъ и Юмартъ Мурзою), изъ опасенія Аллаяра, который будто бы рѣшился напасть на него, и подговаривалъ къ тому же Батырь-Султана, Чклинцевъ и Дюрткаринцевъ.

По полученіи такихъ извѣстій, Лачиновъ отправилъ тотчасъ же къ Нуралію, Дусталію и Иралію нарочнаго и на основаніи даннаго Ханомъ въ прошломъ 1763 году «кондиціального обязательства» требовалъ немедленнаго возвращенія Бухарцамъ разграбленныхъ товаровъ, и просилъ Хана и обоихъ Султановъ препроводить въ цѣлости караванъ Максютова къ линіи. Въ продолженіе нѣкотораго времени неоднократно пѣвтораемыя обѣщанія Иралія и Дусталія, казалось, служили вѣрнымъ ручательствомъ въ безопасномъ проѣздѣ купцевъ въ Оренбургъ; обстоятельства же доказали противное. Вдругъ 2 Августа 1765 года пришло письмо отъ Иралія, гдѣ Султанъ съ грустію объявлялъ, что, не смотря на всѣ старанія, онъ не могъ помѣшать Кайсакамъ разграбить Ирпазара. Иралі оправдывалъ себя тѣмъ, что, кочуя всего на разстояніи однихъ сутокъ отъ того мѣста, гдѣ стояли Бухарцы, онъ посылалъ туда людей своихъ и убѣждалъ Кай-

»саковъ не причинять вреда каравану. «Киргизы, писалъ онъ, по свойственному имъ лицемѣрью, каждый разъ отвѣчали мнѣ, что они не замедлятъ препроводить купцовъ въ мои улусы, откуда, говорили они, Вамъ самимъ уже можно будетъ доставить ихъ въ Оренбургъ. Обманываемая меня ложными увѣреніями, они ограбили купцовъ. Теперь, продолжалъ Султанъ, остается мнѣ только въ доказательство невинности моей предложить Начальству услуги для взысканія съ Киргизовъ похищеннаго товара.» Съ такимъ же прискорбіемъ писалъ 7 Августа 1764 года къ Лачинову Дустали-Султанъ, изъявляя съ своей стороны готовность содѣйствовать наказанію виновныхъ (*).

Обстоятельства грабежа были слѣдующія: кушцы, какъ мы сказали, шли за препровожденіемъ дѣтей Худай-Бія и остановились въ его улусѣ. Здѣсь сыновья Худай-Бія, Мамбетъ и Дувана поссорились между собою за плату, слѣдовавшую имъ съ Бухарцевъ, наконецъ, по ненависти другъ къ другу, рѣшились разграбить караванъ, и тайкомъ послали звать къ себѣ на помощь Дюрткаринцевъ, Чумекеевцевъ и Алучи-Аллаяра. Аллаяръ съ робостью принялъ приглашеніе ихъ, тѣмъ болѣе, что онъ еще прежде не только подговаривалъ, но даже подкупалъ

(*) При этомъ случаѣ Дустали, основываясь на томъ, что Волковъ снабжалъ его прошлаго зимою хлѣбомъ, просилъ о томъ же самомъ и Лачинова. Въ просьбѣ этой было отказано, потому что Дустали получалъ уже денежное жалованье.

ихъ къ тому же. По данному слову, дѣти Худая подняли караванъ и шли съ нимъ день и ночь, пока не достигли рѣки Камышаклы (письмо Ираля 2 Августа 1764 года). Тутъ въ 6 дняхъ ѣзды отъ улуса Худай Бія, и въ 2 только дняхъ отъ Орской крѣпости хищники разбили караванъ и раздѣляли его между собою (Показаніе Менглибека). Въ числѣ товара находились и вещи Хивинскаго посланника Исхака, Армянина Ивана Захарова (прикащика С. Петербургскаго мѣщанина Иванова), Армянина же Артемова (*), мѣщанина Филипа Григорьева и Сеитовскаго Татарина Улея (**).

(*) Артемовъ былъ родомъ изъ Персіи, но жилъ и торговалъ въ Бухарѣ, и наконецъ рѣшился выѣхать навсегда со всѣмъ имуществомъ въ Россію, Онъ говорилъ, что его побудилъ къ этому дѣшедшій до него слухъ о двухъ Высочайшихъ Манифестахъ 1762 и 1763 г., которыми объявлено было, что всѣмъ иностранцамъ, которые придутъ на поселеніе въ Россію, будетъ оказана помощь; склоннымъ къ хлѣбопашеству, или къ заведенію фабрикъ, мануфактуръ и заводовъ, не только будетъ отведено достаточное число выгодныхъ къ сему земель, но будетъ доставлено всякаго рода пособіе «по мѣрѣ состоянія каждаго» соразмѣрно съ пользою вновь заводимыхъ фабрикъ и заводовъ, въ особенности же такихъ, которыхъ до тѣхъ поръ въ Россіи еще не существовало; кромѣ того для постройки домовъ, на обзаведеніе скота, на потребные къ хлѣбопашеству и къ рукодѣлю инструменты и матеріалы, выдано будетъ изъ казны Ея Величества нужное число денегъ, безъ всякихъ процентовъ, но только съ уплатою одного капитала, и то по прошествіи 10 лѣтъ въ три года, по равнымъ частямъ (прошеніе Артемова на Высочайшее Имя 23 Мая 1765 года).

(**) Товаръ этотъ былъ высланъ ему сыномъ его, который отправился въ Хиву въ 1753 г. съ Гуляевымъ и Чучаловымъ, и не могъ выѣхать еще оттуда, ожидая все уплаты за вещи, отобранныя у него Камомъ.

Свѣдавъ о новомъ дерзкомъ грабежѣ, Лачиновъ убѣдился въ томъ, какъ мало заслуживаютъ довѣрія и Ханъ, и Султаны, и какъ трудно въ чемъ либо полагаться на ихъ увѣренія. Онъ самъ зналъ, что при предстоящемъ сборѣ пограбленнаго, ему нельзя вполне ручаться за ихъ содѣйствіе; не смотря на то, онъ снова обратился къ нимъ, говоря, что не имѣетъ разрѣшенія, которое бы уполномочивало его поступать съ Киргизами *«яко съ злодѣями»*. На первый случай Переводчикъ Гуляевъ отправленъ былъ съ укоризненнымъ письмомъ къ Иралию просить Султана съѣздить вмѣстѣ съ нимъ въ улусы грабителей, внушить имъ противозаконность ихъ поступка, и потребовать удовлетворенія купцамъ (донесеніе Лачинова въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ 3 Августа 1764 года). Между тѣмъ, Ирназаръ и другіе Бухарцы, еще до полученія извѣстія о грабежѣ, просили Лачинова задержать для предосторожности 5 или 6 Киргизовъ изъ числа Ордынцевъ, пріѣзжавшихъ для торга. Просьба эта была тѣмъ болѣе справедлива, что баранта разрѣшена была двумя указами Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ отъ 24 Ноября 1749 года и 25 Мая 1759 года, но Лачиновъ не разсудилъ прибѣгнуть къ ней: сперва онъ медлилъ, вѣря обѣщаніямъ Султановъ, потомъ, когда узналъ, что караванъ Ирназара разбитъ, онъ рѣшился ждать возвращенія Гуляева, боясь, что бы Киргизы, свѣдавъ о задержаніи на линіи единоплеменниковъ, не захватили изъ мести нашего посланнаго, и не причинили ему вреда.

Въ Августѣ Лачиновъ (который правилъ Оренбургскимъ краемъ только временно, бывъ на самомъ дѣлѣ Губернаторомъ Воронежскимъ) отправился въ Воронежъ; мѣсто его заступилъ на время Генераль-Маіоръ и Оренбургскій Коммендантъ Лановъ.—Новый начальникъ края принялъ другую систему дѣйствій и рѣшился строгими мѣрами принудить Киргизовъ къ удовлетворенію купцовъ: по первой же просьбѣ Ирназара и прочихъ Бухарцевъ, приказалъ (24 Августа) выслать изъ Оренбурга команду, которая вблизи мѣноваго двора захватила ѣхавшихъ на торгъ двухъ человекъ Чумекеевцевъ Менглибека и Мурзу Бергана (*), и одного Чиклинца, вѣдомства Каишъ Хана, Дулата (**). Въмѣстѣ съ тѣмъ, оны, указомъ 2 Сентября 1764 года, предписалъ Командиру Уйской Нижней дистанціи, Полковнику Воейкову, задержать въ Троицкѣ, по указанію, четырехъ Бухарцевъ, нарочно къ нему посланныхъ, 5 или 6 человекъ Чумекеевцевъ и Дюртъ-

(*) Онъ былъ родомъ изъ нижнихъ Каракалпаковъ, называемыхъ Куратскими и кочевавшихъ по Куванъ-Дарѣ: зѣтъ 14 тому назадъ, при нападеніи на нихъ Киргизовъ Средней Орды Канджагалы-Арғынского рода, онъ былъ захваченъ ими въ плѣнъ въ ихъ улусы, гдѣ жилъ въ первое время въ услуженіи у одного Киргиза: года чрезъ 4 отецъ его, свѣдавъ о немъ, перекочевалъ въ Орду, выкупилъ сына изъ плѣна и поселился вмѣстѣ съ нимъ въ Чумекеевскомъ родѣ

(**) Мурза Берганъ и Дулатъ, какъ не участвовавшіе въ грабежѣ, были отпущены 17 Сентября, по просьбѣ самого же Ирназара, обратно въ степь, а Менглибекъ, содержавшійся въ острогѣ, взятъ былъ на поруки жившимъ въ аманатахъ, сыномъ Нурали Хана, Берды-али-Султаномъ 10 Декабря 1764 года.

каринцевъ. Предписаніе это было исполнено и пять человекъ Киргизовъ изъ преступныхъ родовъ были захвачены на торгѣ и посажены подъ крѣпкій караулъ съ производствомъ каждому кормовыхъ денегъ по 2 коп. въ сутки. Независимо отъ этого, Лановъ принялъ еще одну мѣру, необходимую по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Нужно знать, что хищники успѣли вымѣнять ограбленный товаръ на лошадей и другія вещи у пріѣзжавшихъ въ улусы ихъ Киргизовъ съ низу Чиклинцевъ и другихъ, а съ веру отъ Троицкой крѣпости Джагалбайлинцевъ, Тляуцевъ и Аргынцевъ,«. Эти въ свою очередь повезли его въ Троицкъ и продали тамъ; такъ что самый товаръ началъ уже расходиться по рукамъ нашихъ же купцовъ (показ. Менглибека). Принявъ это въ соображеніе, Лановъ предписалъ Директору Таможни Тимашеву (2 Сентября 1764 года) обязать торговавшихъ на мѣновомъ дворѣ русскихъ купцовъ подписками, чтобъ изъ нихъ ни кто не смѣлъ покупать впредь до резолюціи у Киргизовъ ни пряденой хлопчатой бумаги, ни сырца, ни камня лапись-лазури. У кого вещи эти уже были въ вымѣнѣ, тотъ въ этотъ же день долженъ былъ представить ихъ все при объявленіи своемъ къ спуску съ мѣноваго двора въ Таможню или въ пакгаузъ, иначе онъ подвергался всей строгости наказаній.

Вслѣдъ за тѣмъ 17 Сентября 1764 г. возвратился изъ Орды Гуляевъ. Успѣхъ его порученія былъ не значителенъ. Ирали, какъ показалъ Гуляевъ, на другой

день послѣ его прїѣзда созвалъ къ себѣ Старшинъ, и совѣтовался съ ними о возвращеніи похищеннаго; за тѣмъ, съ общаго согласія, отправились они въ улусы виновныхъ. Ирали взялъ съ собою и нашего посланнаго; долго уговаривали они Киргизовъ; наконецъ убѣдили ихъ въ необходимости вознаградить купцовъ и заставили дать »по ихъ обыкновенію« обязательство. На этотъ разъ прїѣхалъ къ Иралию Назаръ Хоржа—посланецъ отъ Бухарскаго Хана Абулгазы. Абулгазы въ письмѣ на имя Султана просилъ увѣдомить его, по какой причинѣ Киргизы ограбили подданныхъ его; сдѣлали ли они это съ общаго согласія съ Ханомъ и Султанами, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ, говорилъ Эмиръ, Кайсакамъ не чего опасаться и они могутъ продолжать ѣздить на торгъ въ Бухару, въ полной увѣренности, что ихъ ни притѣснять, ни задерживать не будутъ. Съ полученія этого письма Ирали сталъ еще съ большимъ рвеніемъ принуждать Киргизовъ къ уплатѣ пограбленнаго: при Гуляевѣ не много товара было уже отдано Бухарцамъ, что заставило Ходжа-Назара остаться въ степи до глубокой осени. Вотъ все, чего могъ добиться Ирали отъ Киргизовъ; понимая характеръ и расположеніе народа своего, онъ зналъ, что еще не скоро удастся ему вполне удовлетворить за грабежъ, и по этому счелъ бесполезнымъ держать у себѣ Гуляева, а отпустилъ его въ Оренбургъ (*)

(*) Гуляева сопровождали въ степи Орскіе казаки. По возвращеніи

съ письмомъ, гдѣ снова оправдывалъ себя въ грабежѣ и слагать всю вину на непослушаніе Киргизовъ (показаніе Гуляева 17 Сентября 1764 года).

Такой медленный ходъ дѣла не соответствовалъ мыслямъ Ланова. Видя изъ письма Султана и изъ словъ Гуляева, что нѣтъ надежды на скорое вознагражденіе кушцовъ, онъ рѣшился продолжать начатое, т. е. дѣйствовать строгостію; задержанныхъ Киргизовъ онъ запретилъ выпускать, увѣдомивъ объ этомъ Иралія (23 Сентября), а указомъ 25 Сентября 1764 года, приказалъ Воейкову сковать въ ножныя желѣза захваченныхъ въ Троицкѣ пятерыхъ Кайсаковъ и доставить ихъ за крѣпкимъ карауломъ по линіи въ Оренбургъ.—Однако и эта строгость не принесла ожидаемой пользы. Дальніе Кир-

оттуда они просили себѣ добавочнаго жалованья за время пребыванія въ степи. Оно имъ было выдано, по расчету за 500 верстъ, согласно съ указомъ изъ Сената, отъ 30 Октября 1758 года, которымъ предписывалось: Казакамъ, состоявшимъ на здѣшней линіи въ крѣпостяхъ, во вниманіе къ незначительности получаемого ими жалованья, за время, когда они будутъ командированы отъ домовъ своихъ въ дальнія мѣста, не ближе 100 верстъ, сначала выступленія ихъ, по то число какъ они возвратятся въ дома, къ получаемому ими жалованью «додавать за то противъ Доескихъ и Яицкихъ казаковъ». Донскимъ же и Яицкимъ казакамъ по апробованнымъ окладамъ, какъ это видно въ экстрактѣ, присланномъ при указѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 20 Ноября 1755 года, велѣно въ бытность ихъ въ командировкахъ на здѣшней линіи, жалованье производить: рядовымъ казакамъ по 12 руб. въ годъ изъ доходовъ «подлежащихъ до Статсъ-Канторы».

гизы, вмѣсто того, что бы смириться, вздумали въ началѣ 1765 года мстить за задержаніе своихъ единоплеменниковъ. и препятствуя проѣзду каравановъ по степи, вредить Оренбургскому торгу. Одинъ Ургенчскій караванъ, при которомъ находилось нѣсколько Бухарцевъ, везшихъ для Двора Ея Императорскаго Величества 147¹/₂ пудовъ лапись-лазури, дошелъ уже до урочища Секизбая. Тутъ наѣхало человекъ 60 Киргизовъ Чиклинскаго рода и 30 Дюрткаринскаго. Вожаками при караванѣ были то же Чиклинцы и Дюрткаринцы, но ихъ было только 32 человекъ. Хищники обратились къ своимъ сродичамъ съ просьбою выдачи каравана, въ противномъ случаѣ грозилъ взять его силою; когда же узнали они, что въ немъ находятся и Бухарцы, то стали требовать выдачи ихъ, потому что, говорили они, пятеро нашихъ Кайсаковъ задержаны изъ за нихъ въ Оренбургѣ. »Если вы не отдадите ихъ по доброй волѣ, то мы станемъ биться съ вами.« Положеніе вожаковъ было затруднительное: »если мы уступимъ вамъ нараванъ, отвѣчали они, то сдѣлаемся врагами Ургенчцамъ, Бухарцамъ и Русскимъ; если же нѣтъ, то должны вступить съ вами въ неприязнь. Повремените не много, мы соберемъ Старшинъ и позовѣтуемся съ ними; что они скажутъ, то мы и сдѣлаемъ.« Противная сторона рѣшилась ждать. Между тѣмъ Сякизбашцы и Кудашцы предостерегли Бухарцевъ и внушили имъ, что Кайсаки люди не добрые, и что ни въ какомъ случаѣ вѣрить имъ нельзя. Встрепоженные

Бухарцы оставили лапись-лазури подъ закладъ одному Трукмену, которому приказали провезти его въ Оренбургъ, а сами, нанявъ двухъ Киргизовъ, тайкомъ бѣжали и прибыли въ Ченгикале (письмо къ Прназару отъ Молла-Ханъ-Мухаммеда и Руза-Мухаммеда, приложенное къ указу Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 4 Іюля 1765 года). Подобнаго рода извѣстія, непріятныя для Правительства, заставили его еще болѣе держаться баранты, кѣкъ вѣрнаго средства для усмиренія Кайсаковъ. Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ указомъ, отъ 4 Іюля 1765 года, предписала не выпускать захваченныхъ Ордынцевъ, пока не послѣдуетъ вѣсѣмъ полнаго удовлетворенія за грабежи 1764 года; не смотря на то, Киргизы медлили уплатою; затрудненія умножались съ каждымъ днемъ, и только по прошествіи двухъ лѣтъ Начальство заключило это дѣло, и то не успѣвъ взыскать всего должнаго съ виновныхъ.

При этомъ случаѣ пострадали не столько Бухарцы, сколько наши купцы. Объяснимъ это, представивъ особо за оба года вѣсѣ обстоятельства, служившія во вредъ, или въ пользу тѣмъ, или другимъ. Начнемъ съ Бухарцевъ: съ перваго раза объ нихъ принялись заботиться два Правительства: Русское и Бухарское, такъ какъ Эмиръ тоже задержалъ нѣсколькихъ Киргизъ. Сверхъ того многіе Бухарцы жили въ улусахъ грабителей, и сами настаивали о должномъ удовлетвореніи. Въ слѣдствіе сего уже на второй годъ Эмиръ писалъ къ своимъ подданнымъ въ Оренбургъ, чтобы они ѣхали къ нему за полученіемъ

товара, который возвращают Ордынцы. Известіе это оправдывалось на самомъ дѣлѣ: 19 Сентября 1765 года, товарищъ Ирназара, Караванъ-Башъ Хаджи-Курбанъ-Базаровъ, отъ имени соотечественниковъ своихъ, доносилъ новому Губернатору, Князю Путятину, что Киргизцы, сознавъ вину свою, пріѣзжали въ Бухару и согласились сперва внести за пограбленное 70,000 червонцевъ, а потомъ Ирали Султанъ обязался уплатить за каждый верблюжій тюкъ по 100 червонцевъ, а за всякаго верблюда по 30 барановъ, однако съ тѣмъ условіемъ, чтобы Кайсаки, задержанные въ Оренбургѣ, были прежде возвращены въ улусы ихъ. По этому Ходжа Курбанъ просилъ Путятину освободить ихъ, и передать на руки присланному для того отъ Иралиа Карабашъ-Султану. Предложеніе это не было принято, тѣмъ не менѣе дѣло принимало оборотъ благопріятный. Ирали дѣйствительно возвращалъ товаръ, по мѣрѣ возможности. Кромѣ того отдалъ онъ около ста верблюдовъ и производилъ расплату иноходцами. Нѣкоторые Бухарцы, получивъ все, что имъ слѣдовало, возвратились даже на родину; другіе оставались еще въ улусахъ Султана, собирали товаръ, или принимали по дѣнѣ барановъ; многіе повѣренныя, не имѣя при себѣ достаточнаго числа людей, чтобы согнать весь скоть, писали въ Бухару и звали оттуда настоящихъ хозяевъ. Сверхъ того (письмо Иралиа 27 Мая 1766 года) Максютовъ, который еще въ прошломъ 1765 году былъ избранъ ими всѣми повѣреннымъ и въ Декабрѣ забравъ

съ собою разныхъ вещей: Индѣйской выбойки, кисей и проч., для поднесенія ихъ Ея Императорскому Величеству, отправился въ Петербургъ, успѣлъ выхлопотать тамъ къ Оренбургскому Губернатору о скорѣйшемъ удовлетвореніи за грабежъ указъ (*), вслѣдствіе котораго выданы были Высочайшія грамоты къ Нуралію, къ Айчуваку и къ Иралію. Грамоты эти, гдѣ требовалось содѣйствіе Хана и Султановъ, отправлены были къ нимъ съ Переводчикомъ Гуляевымъ (29 Января 1766 года), и въ отвѣтъ осенью 1766 года (14 Сентября) получено было отъ Иралія письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ, что хищники обязались внести Бухарцамъ за каждый вьюкъ по 100 барановъ, а за полвьюка по 50, сверхъ того верблюдовъ, оставшихся въ живыхъ, возвратить, а за мертвыхъ заплатить за cadaго по 30 барановъ. Султанъ писалъ, что объ этомъ уже было сообщено Бухарскому Хану и Бику, которые остались довольны, и что Киргизы уже уплатили по этому все сполна. Въ заключеніе Ирали просилъ Путятина освободить и доставить къ нему въ улусы Кайсаковъ, содержавшихся въ Оренбургѣ.

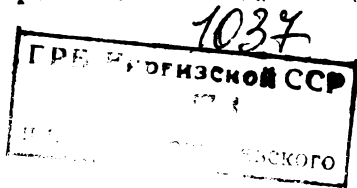
И такъ Бухарцы хотя и не въ скоромъ времени, но получили уплату, если даже не за все, то по крайней мѣрѣ за большую часть ограбленныхъ у нихъ вещей. Взглянемъ теперь на ходъ дѣла нашихъ купцовъ, и разберемъ ихъ положеніе. Изъ этого разбора ясно окажется, что на сторонѣ ихъ вовсе не было столько благоприятныхъ

(*) Копія съ него была послана Ирназаромъ къ Бухарскому Хану.

обстоятельствъ, сколько на сторонѣ сотоварищей ихъ по несчастію-Бухарцевъ. Купцы наши были все Православные (изъ нихъ только одинъ былъ Татаринъ), слѣдовательно невѣрные въ глазахъ Ордынцевъ, а можетъ быть и не знакомые съ языкомъ Киргизскимъ; они не смѣли показаться въ виновные улусы, жили въ городѣ, объ нихъ заботилось одно только Правительство Русское, и не на самомъ мѣстѣ преступленія, а только издали единственными средствами, которыя находились у него въ рукахъ, письмами къ Султанамъ, указами и барантою. Какъ мало значили въ подобныхъ случаяхъ увѣщанія Султановъ, мы имѣли уже не разъ возможность замѣтить. Что касается до указовъ отъ Высшаго Правительства въ пользу купцовъ нашихъ, которые чрезъ повѣренныхъ своихъ хлопотали и въ Петербургѣ, то все они ограничивались подтвержденіями Губернатору о скорѣйшемъ удовлетвореніи проесъ бы купцовъ; только Указомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 23 Іюня 1765 года, предписано было Князю Путятину оказывать имъ, какъ Русскимъ подданнымъ, предпочтеніе предъ Бухарцами. Слѣдствіемъ было то, что иногда попадалась на долю ихъ часть опознаннаго товара, который Киргизы привозили сбывать въ Оренбургъ, или въ Троицкъ, но и тутъ почти всегда оспаривали у нихъ Бухарцы. Собственно говоря, все выгоды нашихъ купцовъ ограничивались барантою, которая одна еще могла понудить Киргизовъ къ уплатѣ должнаго. Но вскорѣ должно было отказаться и отъ этой надежды. Въ послед-

вее время, когда дѣла Бухарцевъ пошли на мировую съ Киргизами, какъ видно было изъ нашего разсказа, то они стали просить объ освобожденіи задержанныхъ Ордынцевъ, что бы при уплатѣ не подавать Кайсакамъ повода къ жалобамъ и задержкамъ. Конечно, такое ходатайство Бухарцевъ, противное интересу нашихъ подданныхъ, не могло быть согласно съ видами Правительства, и по этому всегдашнимъ отвѣтомъ былъ отказъ; тѣмъ не менѣе оно заставляло не разъ задумываться о томъ, не слѣдъ ли прекратить баранты. Мысль эта, пугавшая купцовъ, крѣпла съ каждымъ днемъ и наконецъ обратилась въ совершенную рѣшимость, когда пришло письмо Уралія, 24 Сентября 1766 года, то самое, въ которомъ онъ сообщалъ объ удовлетвореніи Бухарцевъ. Султанъ въ немъ же объявлялъ, что по довѣренности отъ него, Караванъ-Башъ Хаджи-Курбанъ, взялся поручиться Армянамъ за уплату, или даже заплатить имъ по тому же самому расчету по числу выюковъ, по которому получили удовлетвореніе Бухарцы. Хотя Хаджи Курбанъ по прїѣздѣ въ Оренбѹргъ не отказался уплатить, но завелъ споръ съ нашими купцами подъ тѣмъ предлогомъ, будто они требовали большее число товара, чѣмъ его было дѣйствительно у нихъ ограблено. Купцы значительно сбавили цѣну своихъ требованій, однако Хаджи Курбанъ этимъ не удовольствовался, и съ трудомъ согласился оставить товару на 300 руб. (у одного Григорьева было ограблено, какъ онъ говорилъ самъ, на 2248 руб. 12½ коп.)

и то съ условіемъ, чтобы задержанные Киргизы, Менглибекъ и другіе, были отпущены съ нимъ въ Орду къ Иралию. Пугачинъ далъ свое согласіе освободить ихъ. Причины, побудившія его къ тому, какъ видно изъ до-весенія въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 2 Ноября 1766 года, были слѣдующія: 1., Бухарцы, опасаясь Киргизовъ, не хотѣли иначе возвращаться; 2., если бы Бухарцы остались на зиму, то будущею весною не лзя было ожидать пріѣзда каравановъ; 3., верблюды ихъ числомъ до 150, не привычные къ стужѣ, могли пона-дать отъ холода; тогда Бухарцы потеряли бы большой убытокъ, а указомъ Ея Императорскаго Величества предписано было для поощренія торга оказывать Азіатцамъ всякаго рода снисхожденія и ласки; 4., Ирали Султанъ съ большимъ числомъ Киргизовъ подъѣхалъ къ рѣкѣ Илеку, и настоятельно просилъ, что бы захваченные Кайсаки были отпущены; онъ говорилъ, что въ противномъ случаѣ Киргизы намѣрены злодѣйствовать по линіи; угрозы эти осуществлялись на самомъ дѣлѣ, изъ разныхъ мѣстъ 14 человекъ были уже захвачены въ плѣнъ и несколько скота было угнато; 5., торгъ въ слѣдующемъ году могъ упасть совершенно. Азіатцы едва ли бы согласились бѣжать стенью, гдѣ предстоялъ имъ вѣр-ный грабежъ отъ мстительныхъ Киргизовъ. Общество Русскихъ купцовъ, предвидя это, подало даже на имя Губернатора просьбу объ отпускѣ въ Орду Менглибека и дру-гихъ. Такимъ образомъ Начальство нашлось вынужденнымъ

согласиться на требованіе Ордынцевъ и освободить захваченныхъ Киргизовъ. Это случилось въ концѣ 1766 г.

Описываемый 1766 г. замѣчателенъ также въ исторіи степи и даже всего Оренбургскаго Края преобразованіемъ, которое получили выломка и перевозъ Илецкой соли. Коллежскій Совѣтникъ Тетюшевъ, усердствуя (какъ сказано въ именномъ указѣ 10 Января 1766 года) къ приобрѣтенію казенной Ея Императорскаго Величества пользы, подалъ Государынѣ представленіе, которымъ онъ обязывался доставлять ежегодно въ Нижній-Новгородъ до 1 милліона пудовъ соли, полагая ей цѣну съ выломкою на мѣстѣ и провозомъ, не болѣе 12 коп. съ пуда, включая сюда не только содержаніе людей и постройку разныхъ необходимыхъ зданій, но и всегдашнее ихъ содержаніе. Представленіе это было передано на заключеніе Оренбургскаго Губернатора Князя Путятина, который разсмотрѣлъ его и сообщилъ способы къ легчайшему того исполненію (*). Представленіе и способы заключались въ слѣдующемъ:

Всеподданнѣйше представленное Коллежскимъ Совѣтникомъ Тетюшевымъ учрежденіе для доставленія въ каждый годъ до 1 милліона пудовъ Илецкой соли до Нижняго-Новгорода:

(*) Важный документъ этотъ напечатанъ въ Полномъ Собраніи Зак. т. XVII № 12,553, и по этому мы позволили себѣ передѣлать старинный слогъ его.

Способы къ легчайшему исполненію его, представленныя Оренбургскимъ Губернаторомъ, Княземъ Путятинымъ.

1.) Для выломки Илецкой соли, и для перевоза ея отъ мѣста добыванія въ Магазинъ, имѣть на всегда до 200 человекъ работниковъ, которыхъ и поселить при Илецкой крѣпости, освободя ихъ отъ другихъ казенныхъ работъ. Задѣльную плату производить имъ за выломку каждаго пуда по полу-копѣйкѣ, обязавъ ихъ сверхъ того выработывать, безденежно, на усышку и утечку, на каждую тысячу пудовъ, по 50 пудовъ соли.

2.) Для защиты отъ Киргизовъ Илецкой крѣпости и находящихся тамъ работниковъ увеличить по мѣрѣ надобности гарнизонъ; сверхъ того учредить между Илецкою крѣпостью и Оренбургомъ нарочный разъѣздъ изъ нерегулярныхъ конныхъ войскъ; разъѣздъ этотъ отдать въ команду Главному Солянному Управителю, который бы по своему усмотрѣнiю употреблялъ его «къ пользѣ и сохраненiю интереса» вмѣсто конвоя на препровожденiе соли и другiе разъѣзды.

3.) Илецкую крѣпость, которая находится въ Киргизской степи на мѣстѣ добыванія соли, разстоянiемъ отъ Оренбурга по крайней мѣрѣ на 60 верстѣ, осыпать валомъ и сдѣлать въ ней батарею, что бы какъ люди, поселенные для добыванія соли, и жители крѣпости, такъ и самъ гарнизонъ и команда нерегулярныхъ войскъ, учрежденная для разъѣздовъ, могли свободно защищаться отъ Киргизовъ; 2, построить для соли два магазина—одинъ при Илецкой крѣпости, а другой у при-

Нарядить изъ такъ называемыхъ своекоштныхъ, высылающихся въ Оренбургъ, освобождая ихъ отъ всякой другой работы. Если ихъ будетъ мало, то дозволить приписывать и вольныхъ, которые будутъ являться по собственному желанію, съ надлежащими видами. Заработную плату производить по усмотрѣнію, только такъ, чтобы она не превосходила положенной платы съ пуда по полукопѣйкѣ.

Снести съ Военною Коллегіею, какъ объ увеличеніи гарнизона, такъ и объ опредѣленіи легкихъ войскъ для разъѣздовъ.

Разъѣзды слѣдуетъ перемѣнять черезъ три мѣсяца.

Что касается до укрѣпленія крѣпости, то объ этомъ будетъ представлено особо въ Военную Коллегію.

стани рѣкъ Ашкадара и Стерли, впадающихъ въ Бѣлую; 3, для добыванія разсоловъ, находящихся въ подземной соли, также для разработки и перевоза самой соли, сдѣлать надлежащія машины; сверхъ того устроить разные земляные, съ деревяннымъ укрѣпленіемъ, валы, или плотины, которые, препятствуя весеннимъ наводненіямъ размывать соль, служили бы вмѣстѣ облегченіемъ для рабочихъ, при добываніи соли на большой глубинѣ; 4, для лучшаго успѣха во всѣхъ распоряженіяхъ, учредить Контору съ пристойнымъ числомъ Надзирателей, для которыхъ выстроить покои при Илецкой крѣпости; 5, по тракту, начиная отъ крѣпости Илецкой, до упомянутой въ 2-мъ пунктѣ пристани на р. Ашкадарѣ, построить въ восьми мѣстахъ кормовищи, или ночлеги съ повѣтми, или сараями для рогатаго скота и лошадей, слѣдующихъ съ солью. Безъ этихъ ночлеговъ и сараевъ обойтись невозможно, въ случаѣ непогодъ.

4.) Скорый, по вскрытіи льда, истокъ воды въ рѣкѣ Бѣлой препятствуетъ сплаву соли въ большомъ количествѣ; по этому въ устьяхъ Ашкадара и Стерли сдѣлать шлюзы; за тѣмъ, отступя отъ нихъ къ вершинамъ воль, построить пильныя мельницы, обдѣлавъ берега помянутыхъ рѣкъ между шлюзъ и пильныхъ мельницъ деревяннымъ укрѣпленіемъ, потребнымъ къ строенію барокъ. Нагрузку соли производить не дожидаясь вскрытія льда, такъ какъ между означенными рѣками есть довольно

Строенія производить по мѣрѣ надобности и сообразуясь съ пропорціею поставки соли.

Кромѣ гднаго мѣста для учрежденія пристани при устьяхъ рѣкъ Ашкадара и Стерли есть и другое удобное мѣсто при устьѣ рѣки Мелеуса; по этому предоставить на волю, въ которомъ изъ двухъ мѣстъ завести пристань, а не то можно учредить по пристани въ обоихъ мѣстахъ.

большое озеро, которое при наступлении весны замерзает прежде; во всякомъ случаѣ такая заблаговременная нагрузка соли будетъ достаточно обезпечена шлюзами, съ устройствомъ которыхъ нельзя уже будетъ опасаться недостатка воды въ Бѣлой. Кромѣ этой прямой пользы отъ шлюзовъ, можно ожидать еще другихъ выгодъ: именно онѣ будутъ ручаться за успѣшное заведение лѣсовъ на строеніе барокъ, за удобное вытаскиваніе ихъ на берегъ, а болѣе всего за безубыточный и безопасный спускъ судовъ на воду (*).

5.) Если, за нестроеніемъ еще пильныхъ мельницъ, не лзя будетъ достать нужнаго числа барокъ изъ пильнаго лѣса, то дозволить на первый годъ возить соль въ топорныхъ баркахъ безъ платежа пошлины.

6.) Лѣсъ, нужный для ежегоднаго строенія барокъ: сосновый, еловый, осиновый и годный для завозень и подокъ, — вѣтловый и осокорникъ, начавъ по теченію отъ вершины рѣки Бѣлой до города Уфы, по Бѣлой съ обѣихъ сторонъ на 10 верстъ, а по впадающимъ въ нее рѣкамъ съ обѣихъ на 5 верстъ, запретить рубить заповодчикамъ, не включая въ то число Башкиръ и Мещеряковъ, которымъ дозволить пользоваться имъ для собственныхъ нуждъ. При этомъ наблюдать, что бы не по-

(*) При этомъ приложенъ былъ Тетюшевымъ планъ рѣки Ашкадара т. Стерли, озера и мѣста, признаннаго имъ удобнымъ для построенія казана.

Пунктъ этотъ оставить до будущаго времени, пока чрезъ осмотръ и съемку самой мѣстности не окажется въ точности, сколько можетъ быть лѣса, и откуда его надежнѣе получать.

слѣдовало ни остановки, ни помѣшательства горнымъ заводамъ. Во всѣхъ показанныхъ мѣстахъ не воспрещать «вольно желающимъ къ тому соляному отпращиванію» снять лубья.

7.) Между помянутыхъ рѣчекъ Ашкадара и Стерли, впадающихъ въ Бѣлую, построить, какъ сказано въ 3 пунктѣ, магазинъ, гдѣ и могутъ находиться въ большомъ числѣ «всѣ припасы, принадлежащіе къ отпращиванію соли;» въ этомъ же мѣстѣ, которое сдѣлается главнымъ пунктомъ отпращиванія Илецкой соли, учредить Контору съ пужнымъ числомъ какъ людей и надзирателей, такъ и военно-служащихъ, необходимыхъ для хранения денежной казны; здѣсь же для главнаго Командира и не малаго числа Управителей построить покои; сверхъ того сдѣлать казармы на 4,000 человекъ для работниковъ, приходящихъ къ нагрузкѣ и препровожденію барокъ съ солью.

8.) На учрежденіе всѣхъ пужныхъ зданій и содержаніе ихъ, также на покупку якорей и канатовъ, полагается употреблять ежегодно по полуполтійкѣ съ каждаго пуда соли, но на первый годъ, когда придется обзаводиться всѣмъ вновь, суммы этой, вѣроятно, будетъ мало, а по тому нынѣ же приказать выдать по полуполтійкѣ съ пуда за три или четыре года впередъ, въ зачетъ на будущее время.

Ссылаюсь на третій пунктъ, что бы все строеніе, кромѣ необходимаго, производилось сообразно съ пропорціею поставки соли.

Я нахожу это весьма нужнымъ для первоначальнаго заведенія.

9.) Опредѣлить до 1200 двуконныхъ работниковъ для перевозки соли до пристани и для необходимой на первый случай работы. Плату за работу производить имъ по плакатной цѣнѣ, а за возку соли до пристани выдавать имъ отъ 5 до 6 коп. съ пуда. Сверхъ того назначить до 100 человекъ въ лоцмавы, которыхъ въ случаѣ надобности употреблять на распиливаніе лѣса и на строеніе барокъ; лоцманамъ этимъ производить плату за труды, по усмотрѣнію Главнаго Командира. Всѣхъ сказанныхъ людей поселить въ удобныхъ мѣстахъ и отвести имъ нужное число луговъ и земли.

10.) Къ сплавленію барокъ съ солью отъ пристани въ мѣста ихъ назначенія опредѣлять въ Смотрители вольныхъ людей изъ военно-служащихъ, или изъ купечества; Смотрителю за его труды производить въ награду съ каждаго пуда соли, привезеннаго подъ его присмотромъ, по одной деньгѣ, или по одной копѣйкѣ, по усмотрѣнію Главнаго Управителя.—Если на первый разъ не лъзя будетъ найти годныхъ людей въ Смотрители, то назначать ихъ изъ купечества, отъ Магистратовъ, съ производствомъ той же самой платы, и при одобреніяхъ отъ тѣхъ же присутственныхъ мѣстъ, однако съ тѣмъ, чтобы купцы, опредѣляемые въ должность Смотрителей, были изъ жителей городовъ, лежащихъ по рѣкамъ Волгѣ и Окѣ.

11.) Если все изложенное въ предъидущихъ пунктахъ

Опредѣлить къ тому людей изъ находящихся въ Оренбургской губерніи Тештарей, которые въ состояніи исполнять требуемыя работы за означенную плату; если можно, то дать имъ и луга, для содержанія скота. Равнымъ образомъ назначать въ работники изъ Бугульминскаго вѣдомства, поселенныхъ изъ непомнящихъ родства и прописныхъ по ревизіи, также и вольныхъ, которые пожелаютъ работать за положенную плату, и представлять узаконенные виды; вольныхъ этихъ можно тутъ и поселить. Всего бы лучше было, если бы всегда представлялся случай находить и употреблять однихъ, охочихъ людей.»

удостоится Высочайшаго утверждѣнія и начнетъ приходить въ дѣйствіе, то должно надѣяться, что съ 1767 года можно будетъ ежегодно не только выламывать, но даже выставлять въ Нижній-Новгородъ 1 милліонъ пудовъ соли, количество, которое, если не встрѣтятся непреодолимыхъ препятствій, можетъ быть въ случаѣ нужды удвоено.—Цѣною (включая въ нее всѣ расходы, какъ-то: постройку магазиновъ, покоевъ и станцій, содержаніе двухъ конторъ, также постройку казармъ для 4000 рабочихъ и проч.) каждый пудъ соли будетъ обходиться до Нижняго-Новгорода, съ исключеніемъ могущихъ быть дѣствій и несчастій, отъ $11\frac{1}{2}$ до 12 коп.

А именно: за выработаніе при Илецкой крѣпости $\frac{1}{2}$ коп.

За провозъ до пристани отъ 5 до $6\frac{1}{2}$ коп.

На всѣ помянутыя строенія, на содержаніе ихъ и починку, на якори и воровые канаты - - $\frac{1}{2}$ коп.

На строеніе барокъ и наемъ рабочихъ людей до Нижняго-Новгорода—4 коп.

Смотрителямъ за препровожденіе соли отъ пристани съ отдачею ея въ Нижегородскій магазинъ, а за присмотръ во время постройки барокъ и приготовления на нихъ такелажу по $\frac{1}{2}$ или 1 коп

И того $11\frac{1}{2}$ или 12 к.

Что касается до содержанія Главнаго Командира, бу

Которыя для первоначальнаго обзаведенія должны быть
ассигнованы за 3, или 4 года впередъ.

дущихъ при немъ Управителей и потребнаго числа служителей, которые будутъ состоять при Конторѣ, «на оное ничего не полагается, но. предается на Всевысочайшую щедрость»

Такой проэктъ Тетюшева, съ приложенными къ нему замѣчаніями Князя Путятина, былъ внесенъ на благоусмотрѣніе Государыни, которая указомъ 19 Января 1766 года изволила утвердить ихъ. Противъ 5 пункта написано было собственною Ея Императорскаго Величества рукою: «на одинъ годъ дозволяется,» а противъ II: «производить Тетюшеву, а за труды награжденіе впредь означится, а въ прочемъ апробуется и съ изъясненіемъ Губернаторскимъ.»

Тѣмъ же указомъ Сенату 19 Января исполненіе проэкта, въ которомъ Государыня, какъ видно, принимала живое участіе, поручено было самому Тетюшеву «яко Главному Директору добыванія и отправленія соли,» а Сенату приказано было снабдить его указомъ, «дабы въ случаѣ какой его по тому производству надобности вспоможеніе чинено было». Сверхъ того другимъ именованнымъ указомъ отъ того же 19 Января 1766 года, даннымъ на имя Князя Путятина, предписано ему оказывать во всемъ помощь Тетюшеву, отвращать по мѣрѣ возможности «сколько безвредно и безубыточно для казны» мѣшущія встрѣтиться препятствія, и доносить обо всемъ происходящемъ Государынѣ.

Что касалось до денег, слѣдовавшихъ Тетюшеву по представленному имъ расчету, по 12 коп. съ пуда, то Соляной Конторѣ (указъ 19 Января 1766 года) приказано было ассигновать эту сумму въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани и Оренбургѣ изъ соляныхъ доходовъ и предоставить ее въ распоряженіе Оренбургскому Губернатору, который »ему, Тетюшеву, по надобности подъ росписку »выдавать будетъ, или о томъ въ показанныя мѣста ассигнаціи давать«. Вместе съ тѣмъ (тотъ же указъ 19 Января 1766 года) на Соляную Контору возложена была обязанность по полученіи отъ Тетюшева увѣдомленія о количествѣ приготовленной имъ соли дѣлать распредѣленіе, куда ее доставлять. Кроме того она должна была извѣстить Тетюшева заранѣе, т. е. если можно, не позже Сентября 1766 года, о цѣнахъ, которыя подрядчики будутъ требовать для перевозки въ 1767 г. соли изъ Нижегородскихъ и Салтуковскихъ магазиновъ, до верховыхъ городовъ, для того, что бы Тетюшевъ по усмотрѣнію своему могъ, въ случаѣ нужды, не выгружая соли въ означенные магазины, провозить прямо въ тѣ города. Наконецъ особымъ, подписаннымъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою, указомъ Се-

нату, отъ того же 18 Января, повелѣно было купцамъ, ѣхавшимъ съ Тетюшевымъ повѣренными его: Орловскому Панкрату Кочетову, Симбирскимъ: Алексѣю и Василью Максимовымъ, и Оренбургскому Ивану Попову дать шаги.

На основаніи всѣхъ этихъ именныхъ указовъ и Высочайше утвержденнаго представленія Тетюшева, Сенатъ отправилъ, съ приложеніемъ съ нихъ копій, во всѣ слѣдовавшія мѣста, въ томъ числѣ и къ Оренбургскому Губернатору, отъ 1 Февраля 1766 г. подтверженія о должномъ исполненіи ихъ. Между тѣмъ Князь Путятинъ, въ силу даннаго, ему Высочайшаго указа, заботился уже съ своей стороны сдѣлать зависящія распоряженія. Тетюшеву требовалось людей, и самъ Губернаторъ успѣшилъ доставить ихъ. Въ эту пору наступало время положеннаго указами наряда съ Тентярей и Бобылей, жившихъ въ провинціяхъ: Уфимской, Исетской и Ставропольской и въ Бугульминскомъ вѣдомствѣ, для городскихъ и прочихъ работъ въ Оренбургъ на лѣто 1766 года. Наряды эти, съ самаго введенія ихъ, дѣлались съ числа дворовъ, смотря по производству начатыхъ или вновь назначенныхъ въ Оренбургъ построекъ и заготовленій требуемаго на то матеріала. Въ послѣднее время, когда въ Оренбургъ не было другой работы, кромѣ городской, наряды уменьшились. На лѣто 1766 года также не было назначено ни какихъ почти работъ, кромѣ городской; ни чего не оконченнаго изъ прежде начатаго

не оставалось; кромѣ того въ помощь Тептярямъ и Бобылямъ, по примѣру прошлаго 1765 года, предполагалось употреблять и баталіонныхъ солдатъ. Имѣя все это въ виду, Князь Путятинъ распорядился слѣдующимъ образомъ: 26 Января 1766 года онъ писалъ изъ Петербурга въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію, что бы она при нарядѣ на лѣтнее время къ городovýmъ и прочимъ работамъ въ Оренбургѣ Тептярей и Бобылей выключила изъ числа ихъ тѣхъ, которые жили по дорогамъ Ногайской и Казанской въ Уфимской провинціи, и въ Бугульминскомъ вѣдомствѣ по новой Московской дорогѣ и вблизи ея. Съ этихъ дорогъ, а на помощь въ случаѣ нужды и съ другихъ, лежавшихъ не поодаль отъ Оренбурга, Губернаторъ, ссылаясь на 9-й пунктъ представленія Тетюшева, предписалъ нарядить о двухъ лошадяхъ, съ приличною конскою и лѣтнею тележною сбруею для каждой лошади, 1200 человекъ, а изъ нихъ, именно изъ жившихъ по рѣкѣ Бѣлой и въ ея окрестностяхъ велѣтъ 400 человекамъ имѣть при себѣ, кромѣ тележной, и санную сбрую на тотъ случай, если ихъ потребуютъ къ работѣ прежде лѣта. Сверхъ того Путятинъ приказалъ выбрать въ Бугульминскомъ вѣдомствѣ изъ непомнившихъ родства, которымъ минула трехлѣтняя льгота, 100 человекъ плотниковъ пѣшихъ и съ топорами; если бы такихъ 100 человекъ тамъ не нашлось, то пополнить не достающее число къмъ случится. По окончаніи наряда, который должно было произвести чрезъ Уфимскую Про-

випціальную Канцелярію и Бугульминскую Земскую Контору, слѣдовало не высылать тотчасъ же работниковъ изъ домовъ, но пока не будетъ новаго предписанія, велѣть имъ жить у себя во всей готовности и исправности, объявивъ напередъ не помнившимъ родства, что плата за предстоящія работы дается безобидная, а Сентярьмъ, что она будетъ не только не меньше той, которую бы они получили въ Оренбургѣ, но даже вдвое больше. Наконецъ Князь Путатинъ, думая скорѣе и легче исполнить 4-й пунктъ Тетюшевскаго представленія, предложилъ Губернской Канцеляріи всѣхъ ссыльныхъ своекоштныхъ, находившихся въ Оренбургѣ подъ вѣдѣніемъ Плаць-Маіорскихъ дѣлъ, и на Сакмарской дистанціи, равно и не помнившихъ родства, назначенныхъ для заселенія крѣпостей Пречистенской и Воздвиженской, немедленно собрать изъ дальнихъ отлучекъ (хотя бы кто изъ нихъ и не по просроченнымъ паспортамъ гдѣ находился) въ мѣста, гдѣ полагалось предъ тѣмъ поселить ихъ, и ни куда не распускать до возвращенія его изъ Петербурга; о тѣхъ же изъ нихъ, которые были при ломкѣ соли, взять у Тимашева вѣдомости съ показаніемъ числа и именъ ихъ, и велѣть ему ни куда не увольнять ихъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые уже отработались; впрочемъ и послѣднихъ разрѣшалось отпущать только при письменныхъ видахъ и единственно въ тѣ команды и вѣдомства, гдѣ они состояли.

Заботясь такимъ образомъ о скорѣйшемъ доставленіи

Тетюшеву людей къ производству работъ, Князь Путятинъ обращалъ не меньшее вниманіе и на другія статьи проекта; по второму пункту ему слѣдовало снестись съ Военною Коллегіею объ увеличеніи гарнизона въ Илецкой крѣпости и объ учрежденіи разъѣздовъ. Прибавка гарнизона была тѣмъ необходимѣе, что для разработки соли предполагалось употреблять людей не вольныхъ, а ссыльныхъ въ Оренбургъ. Слѣдовательно нужно было не только охранять ихъ отъ Киргизовъ, но еще смотрѣть, что бы они не могли ни бѣжать, ни покушаться на новые проступки. Въ Илецкой же крѣпости находилась всего одна рота. Содержать карауль, охранять работниковъ при добываніи соли, стеречь ихъ и сопровождать въ Оренбургъ соляные обозы, что бы подводчики на дорогѣ не воровали и не продавали соли,—всѣ эти обязанности были бы слишкомъ для нея обременительны. Необходимость требовала ввести въ крѣпость по крайней мѣрѣ еще одну роту; но изъ баталіоновъ, находившихся въ Оренбургѣ, набрать ее было невозможно. По этому Князь Путятинъ (28 Января 1766 года) просилъ у Военной Коллегіи разрѣшенія перевести въ Илецкую крѣпость одну изъ двухъ ротъ, находившихся въ Гурьевѣ городкѣ, гдѣ не предвидѣлось настоящей нужды въ крѣпкой оборонѣ; кромѣ того въ случаѣ необходимости всегда можно было набрать нерегулярную команду изъ Яицкаго войска. Что касалось до разъѣздовъ между Оренбургомъ и Илецкою крѣпостью, то Князь Путятинъ

полагалъ употреблять для того Казаковъ изъ тысячнаго отряда, положеннаго штатомъ при городѣ Оренбургѣ. Число Казаковъ въ разъѣздахъ могло быть различное, смотря по количеству поставки соли и проч., однако во всякомъ случаѣ не менѣе 200 (рап. въ Военную Коллегію 28 Января 1766 года).

Подобныя распоряженія Губернатора конечно должны были принести большую пользу предпріятію Тетюшева; однако въ первый разъ, не смотря на всю помощь со стороны мѣстнаго Начальства, успѣхъ былъ не такъ значителенъ, какъ слѣдовало ожидать. Тетюшевъ, что бы отстранить отъ себя отвѣтственность, толковалъ о злоумышленникахъ, которые будто бы разглашали между Башкирами вредные слухи, говорилъ, что работники доставлялись не во время, жаловался на помѣху со стороны Начальства, и приводилъ въ примѣръ Черкасовъ, которые, по его словамъ, оказались полезнѣе всѣхъ въ перевозкѣ соли. Ихъ онъ думалъ переселить къ мѣстамъ, лежавшимъ близь возки соли, и предлагалъ для того вызвать ихъ, надѣливши нужнымъ количествомъ земляныхъ угодій. Князь Путятинъ, какъ утверждалъ Тетюшевъ, наперекоръ ему, назначилъ къ переселенію мѣсто у Самарской линіи, на что Черкасы не были согласны. Наконецъ онъ же доносилъ, что хотя не достатка въ лѣсѣ для строенія судовъ и не было но заводчики не дозволяли рубить его; при этомъ онъ именно указывалъ на Управителя казеннаго Вознесенскаго завода.

Легко понять, какъ неприятно Правительству было слышать эти жалобы и видѣть дурное исполненіе проекта, который въ началѣ обѣщаль столько выгодъ. Именнымъ указомъ отъ 28 Сентября 1766 года приказано было Князю Путятину оказывать Тетюшеву возможное содѣйствіе, и объяснить причину, заставившую его предпочесть переселеніе Черкасовъ къ Самарской линіи, тогда какъ бы можно было, согласно съ желаніемъ Тетюшева, въ указанныхъ имъ мѣстамъ купить нужное число угодій, или нанять ихъ на нѣсколько лѣтъ у Башкиръ, которые бы за это не были въ правѣ роптать. Однако нельзя не замѣтить, что Государыня, утверждая эту мѣру, требовала исполненія ея въ томъ только случаѣ, если бы потребные расходы не оказались слишкомъ велики и это бы не повредило какому либо другому *учрежденію*, столь же полезному, какъ промыселъ солью. Въ концѣ указа выражено неудовольствіе на заводы и даже предписано Губернатору донести, имѣетъ ли казна отъ Вознесенскаго завода какую либо прибыль, и не полезнѣ ли уничтожить его и съ имѣющимися къ нему крестьянами и угодьями опредѣлить для солянаго отиравленія.»

Попечительная заботливость Государыни не принесла всей пользы, которую должно было ожидать отъ нея, въ слѣдствіе явнаго разрыва между Княземъ Путятинымъ и Тетюшевымъ, который, выйдя совершенно изъ подчиненности, пересталъ доносить первому о ходѣ дѣлъ своихъ, уѣхалъ въ Петербургъ и даже не объявилъ, кого онъ

оставилъ своимъ повѣреннымъ, такъ что Князь принужденъ былъ въ донесеніи Государынѣ отъ 18 Января 1767 года принести на Тетюшева открытую жалобу, побуждаясь тѣмъ, что Тептари и Бобыли, находившіеся у Тетюшева, были отягощены имъ излишнею работою, въ противность Высочайшимъ указамъ, которыми повелѣвалось ни въ чемъ не обременять ни ихъ, ни Башкировъ.

Обратимся теперь къ другимъ предметамъ, которые привлекали къ себѣ тогда вниманіе Начальства.—Кстати о Башкирахъ скажемъ, что они только что получили новый знакъ милости Царской. Въ 1755 году, во время бунта, множество изъ нихъ бѣжало въ Киргизскую Орду, думая найти тамъ убѣжище. Надежды эти оказались тщетными. Кайсаки однихъ изъ нихъ убили, а остальныхъ, въ томъ числѣ женъ и дѣтей, разобрали въ плѣнъ. Несчастные Башкиры, томясь въ мучительной неволѣ, часто претерпѣвали отъ хозяевъ обиды и истязанія. Прослышавъ о Высочайшемъ Манифестѣ, которымъ обѣщалось безусловное прощеніе тѣмъ изъ нихъ, которые въ продолженіе 10 лѣтъ выйдутъ изъ степи, они стали пользоваться удобными случаями и выбѣгать на линію. Срокъ этому Манифесту, положенный до 1765 года, истекать, между тѣмъ число выбѣгавшихъ Башкировъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Тогда, по ходатайству Князя Путятина, указомъ Сената отъ 7 Января 1765 года, срокъ былъ продолженъ на одинъ годъ до 7 Января 1766 г. и снисхожденіе

принесло еще большую пользу. Въ этотъ годъ выбѣжало изъ степи 79 мужчинъ и 42 женщины, но по имѣвшимся тогда свѣдѣнiямъ въ рукахъ Киргизовъ должно было находиться еще значительное число плѣнныхъ, такъ какъ въ продолженiе всѣхъ 11 лѣтъ вышло не болѣе 7025 человекъ. Выручить ихъ было невозможно иначе, какъ поощряя къ новымъ побѣгамъ. По этому Князь Путятинъ вторично обратился въ Сенатъ съ представленiемъ, по которому срокъ слѣдовало продлить еще на 3 года, считанъ его съ 1 Января 1766 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для избѣжанiя на будущее время излишней переписки, онъ просилъ дозволить ему впредь, если того потребуютъ мѣстные обстоятельства, продолжать срокъ по своему усмотрѣнiю, донося въ Сенатъ о числѣ Башкиръ, которые будутъ выходить изъ Орды. Указомъ 14 Декабря 1765 года, представленiе Князя Путятина было утверждено. Благотворнымъ слѣдствiемъ его оказалось то, что въ продолженiе 1766 и 1767 года плѣнные Башкиры изъ степи не переставали выбѣгать въ большомъ числѣ на линiю и по полученiи отъ Губернской Канцелярiи билетовъ на свободное жительство въ прежнихъ волостяхъ, возвращались на родину, довольные своею судьбою и хваля снисходительность заботливаго объ нихъ Правительства, которое освобождало ихъ изъ рукъ ненавистныхъ Кайсаковъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ плѣнные, выбѣгая домой, разказами своими о претерпѣнныхъ бѣдахъ въ степи, вѣроятно, не мало

содѣйствовали къ поддержанію той взаимной вражды двухъ народовъ, Башкировъ и Киргизовъ, которая существовала издавна, въ особенности же окрѣпла съ 1755 года. Вражда эта, грозя продлиться на неопредѣленно долгое время, выражалась на каждомъ шагѣ какимъ либо явно противозаконнымъ поступкомъ; то Башкиры, пылая злобой и досадою на Кайсаковъ, постараются чѣмъ нибудь повредить имъ; то Ордынцы съ своей стороны, думая отомстить не дружелюбнымъ сосѣдямъ, ограбятъ у нихъ скотъ и тѣмъ вынудятъ Пограничное Начальство къ принятію мѣръ законной строгости. Такъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1767 года партія Киргизовъ, кочевавшихъ близъ линіи, воспользовавшись оплошностью форпостныхъ Казаковъ, ворвалась внутрь линіи, отогнала у Башкировъ Уфимскаго уѣзда Нагайской дороги Карагай-Кичацкой и Бурзянской волостей, 72 лошади, и откочевала вдаль. Тогда Князь Путятинъ, заботясь объ удовлетвореніи обиженныхъ, вынужденъ былъ прибѣгнуть къ единственному средству барантѣ, «если тѣхъ лошадей» «требовать отъ Хана и Султановъ ихъ, то оныхъ отнюдь» «не уповательно отъ нихъ дожидаться, какъ то чрезъ до» «нынѣ бывшіе по равномѣрнымъ обстоятельствамъ опыты» «довольно дознано; потому какъ настоящія обстоятель» «ства заставляють весьма ихъ Киргизъ-Кайсаковъ въ томъ» «не упустить и тѣмъ ихъ дальніе злодѣйства пресѣчь,» «ибо какъ видно обавантажившись они сею добычею,» «грозятъ и еще злодѣйствомъ, въ предвареніе котораго

«за нужное я нахожу поступить съ ними на баранту по указу Ея Императорскаго Величества изъ Государственной Иностранной Дѣль Коллегіи отъ 5 Ноября 1740 года.» (Ордеръ Князя Путятина Генераль-Маіору Черепову 22 Августа 1767 года.) Коннаго Билярскаго полка Капитанъ Зейфартъ съ одною пушкою и съ командою изъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ, въ томъ числѣ и Башкировъ, посланъ былъ изъ Кизильской крѣпости въ степь, что бы захватить тамъ двухъ или трехъ человѣкъ, или же отогнать столько же скота, сколько было взято его Киргизами у Башкировъ. На бѣду, Зейфартъ, при исполненіи возложеннаго на него порученія, имѣлъ неосторожность, въ противность Генеральнаго учрежденія 1766 года, не пройдя еще 100 верстъ по степи, остановиться съ командою и сверхъ того послать однихъ Башкировъ требовать удовлетворенія у Кайсаковъ. Башкиры не замедлили воспользоваться этимъ случаемъ и отогнали лошадей гораздо больше, чѣмъ слѣдовало. Раздраженные Киргизы, будучи не въ силахъ тотчасъ же отплатить имъ зломъ за зло, подали жалобу, гдѣ увѣряли, что Башкиры, бросившись на улусы, ограбили ихъ, трехъ человѣкъ убили, и т. д.

Подобнаго рода буйства и происки повторялись непрерывно. Коренная причина ихъ, вражда Башкировъ и Киргизовъ, укрѣпившаяся вѣками, не могла прекратиться съ разу; къ тому же совершенное уничтоженіе ея въ то время едва ли было выгодно, такъ какъ примѣръ 1755

года доказалъ, что Правительство имѣло въ ней вѣрное средство для обезопасенія Края отъ совокупнаго дѣйствія обитавшихъ въ немъ инородцевъ, и это было въ настоящую минуту необходимо, потому что пришлое отвсюду русское народонаселеніе не только не обезпечивало порядка и спокойствія, но представляло безпрерывныя примѣры буйства, предвѣщавшіе время Пугачева.

Такъ въ Оренбургѣ, въ концѣ Октября 1766 года, были наказаны кнутомъ Казакъ Каменщиковъ и сообщники его. Смѣлость и минутный успѣхъ попытки этого преступника не лзя объяснить ни чѣмъ болѣе, какъ тогдашнимъ недостаткомъ развитія гражданственности въ Краѣ Исетской провинціи, Чебаркульской крѣпости, Казакъ Ѳедоръ Каменщиковъ, прозванный Слудниковымъ и алтыннымъ-глазомъ, былъ уже съ давнихъ поръ извѣстенъ за человѣка съ характеромъ буйнымъ. 13 Сентября 1764 года онъ былъ сѣченъ плетью за то, что билъ Казака Пустозерова; не объявилъ о найденной въ квартирѣ его послѣ одного Донскаго Казака суевѣрной тетради и ложно показалъ, будто по осмотру Священника въ ней оказалась только молитва Михаилу Архангелу; на свадьбѣ Казака Клыкова безъ всякой причины стрѣлялъ по немъ изъ ружья. Мало того, съ 1761 года онъ находился подъ слѣдствіемъ за челобитную на притѣсненія Казакамъ со стороны Станичныхъ ихъ Старшинъ; хотя часть его жалобъ оказалась справедливою, однако и по этому слѣдствію онъ былъ признанъ виновнымъ въ

томъ, что: 1, не доказаль на Есаула Фалкова, что тотъ грозиль ему, и на Атамана Симонова, что будто онъ удерживаль при раздачѣ фуражныя деньги отъ каждаго рубля по 5 коп.; 2, ложно обвиняль Симонова, который, по его словамъ, принуждалъ Казаковъ возить подрядный провіантъ, и безвинно билъ и сажаль подъ караулъ тѣхъ изъ нихъ, которые не соглашались на это; 3, лживо написалъ въ челобитной, будто все мірскіе люди послали его жаловаться на Старшинъ, и наконецъ 4, подалъ доносъ на незаконный поборъ, произведенный будто бы съ Казаковъ Атаманомъ Симоновымъ, который взялся за извѣстную цѣну исходатайствовать у Подполковника Магутова жалованье за бытность ихъ въ линейной службѣ, спустя долгое послѣ самаго побора время.

Слѣдствіе это не было вполне окончено и Каменщикъ содержался еще въ Троицкой крѣпости подъ карауломъ, какъ вдругъ въ Апрѣлѣ 1765 года, выйдя однажды изъ тюрьмы, случайно замѣтилъ, что желѣза на немъ были очень плохи, и снявъ ихъ съ себя, бѣжалъ изъ подъ караула. Такъ говорилъ самъ преступникъ, но едва ли это справедливо. Вѣроятно, побѣгъ былъ замышленъ имъ заранѣе; по крайней мѣрѣ, сидя еще въ тюрьмѣ, онъ подговариваль нѣкоторыхъ на свою сторону и по освобожденіи своемъ обѣщаль государственнымъ крестьянамъ Исетской провинціи Буткинской слободы хлопотать по дѣлу ихъ о землѣ, находившейся въ спорѣ съ Татарами. Крестьяне прислали ему 120 руб., и

сверхъ того взялись собрать въ его пользу еще 200. Этихъ средствъ было достаточно Каменщикову на первый случай. Онъ писалъ къ подъячему Козьмѣ Мерзлякову и просилъ его къ себѣ въ Троицкую крѣпость, будто бы для письмоводства по Буткинскимъ дѣламъ. Въ Мартѣ 1765 года, Мерзляковъ, вмѣстѣ съ крестьяниномъ Буткинской слободы Симономъ Телминовымъ, прибылъ въ Троицкую крѣпость и сталъ на квартирѣ у Оренбургскаго полка Драгуна Петра Долгихъ, который, издавна будучи знакомъ съ Слудниковымъ, тотчасъ же послалъ и привелъ его изъ тюрьмы (**). На первомъ свиданіи съ Мерзляковымъ, Каменщиковъ показалъ ему печатный указъ Императора Петра Ѳеодоровича, будто бы данный на его имя, но не объявилъ ему ни содержанія, ни года, ни числа указа (*). За тѣмъ при разныхъ случаяхъ не однократно говорилъ онъ ему, что Петръ III живъ и часто ѣзжалъ по ночамъ, вмѣстѣ съ бывшимъ Губернаторомъ Волковымъ, для развѣдыванія о народныхъ обидахъ, въ Троицкую крѣпость, гдѣ и останавливался на квартирѣ у Петра Долгихъ. Этого Драгуна Каменщиковъ

(*) По какому праву Долгихъ приводилъ къ себѣ Каменщикова изъ тюрьмы, изъ дѣла не видно.

(**) Въ послѣдствіи въ числѣ бумагъ, отобранныхъ у Каменщикова, нашлись два указа: однимъ изъ нихъ, отъ 25 Декабря 1761 года, извѣщалось о кончинѣ Государыни Елизаветы Петровны и повелѣвалось пригласить на подданство воцарившемуся тогда Императору Петру III.

еще прежде привлечь на свою сторону, увѣривъ его, что самъ Волковъ лично обѣщалъ не оставить его, Каменщикова, и поручился въ этомъ за себя и за Императора Петра (*). Какъ бы то ни было, Слудниковъ успѣлъ подговорить себѣ въ сообщники подъячаго Мерзлякова, котораго впоследствии употреблялъ вмѣсто писаря.

Наконецъ въ Апрѣлѣ онъ бѣжалъ изъ Троицка. Онъ зналъ, что Исетскаго вѣдомства Масленскаго острога и Борневской слободы крестьяне, не давно приписанные къ заводамъ Дворянина Никиты Демидова, не довольны своимъ положеніемъ. Еще въ 1761 году, не желая быть на заводскихъ работахъ, они бунтовали и усмирены были только нарочно посланною противъ нихъ командою. Каменщиковъ, вѣроятно, разчитывая на мятежное расположеніе умовъ ихъ, рѣшился бѣжать къ нимъ. Прибывъ на мѣсто, онъ объявилъ себя Сенатскимъ курьеромъ Михайломъ Рѣзцовымъ, посланнымъ по именному указу, для изслѣдованія объ обидахъ и притѣсненіяхъ, будто бы дѣланныхъ крестьянамъ Масленскаго Острога и Борневской слободы прикащиками Демидова.

(*) При слѣдствіи въ Оренбургской Губернской Канцеляріи Каменщиковъ показалъ, что проговаривался Петру Долгихъ и Мерзлякову о Петрѣ III только по увѣренію Чебаркульской крѣпости Казака Конона Бѣлянина, который говорилъ, будто Императоръ Петръ вздвигъ съ Губернаторомъ Волковымъ «въ образѣ шута, и хотя де онъ, Каменщиковъ, тому было повѣрилъ, но какъ увѣдомился, что оной Казакъ за такое затѣйное произношеніе высѣченъ плетью, то уже и вѣрить не сталъ.»

Выдумка эта оказалась удачною и бунтъ быстро распространился; недовольные въ большомъ числѣ стекались къ Каменщикову и слушали его мятежныя внушенія. Тогда бѣглый Казакъ сталъ дѣйствовать рѣшительно. Разъѣзжая съ сообщниками своими по деревнямъ и селамъ Масленскаго острога и Буткинской слободы, онъ распоряжался самовластно, принималъ на свое имя жалобы, подтвердилъ Буткинскимъ крестьянамъ данное имъ обѣщаніе хлопотать въ Сенатѣ за спорную землю. Людей, повиновавшихся ему, онъ ласкалъ и обѣщалъ представлять объ нихъ въ Сенатѣ и даже Самой Государынѣ; непокорныхъ же и виновныхъ сажалъ подъ караулъ и мучилъ плетью, а дома и пожитки ихъ опечатывалъ. Коммисаръ Калининъ, ѣздившій въ Маѣ для поимки преступника, не успѣлъ захватить его; осторожный Каменщиковъ держалъ при домѣ своемъ караулъ и одинъ изъ стоявшихъ на часахъ, Иванъ Шимолинъ, предупредилъ его о приближеніи Коммисара. При этой поѣздкѣ, Калининъ слышалъ, что Каменщиковъ много страшнаго про себя распространяетъ, и собираетъ для себя по 6 к. съ души, а для находившагося при немъ крестьянина Семена Косенки по 3 коп. Начальство, встревоженное угрожавшею опасностью, посылало людей для поимки преступника. Каменщиковъ хваталъ ихъ и билъ плетью; мало того, въ Шадринскую Управительскую Канцелярію и къ Коммисару Окуневскаго Дистрикта Калининъ онъ

посылая ордера, которые сочинялъ и писалъ ему Мерзляковъ.

Вліяніе его возрастало съ каждымъ днемъ, а число приверженцевъ увеличивалось. Тщетны оставались старанія мѣстнаго Начальства захватить мятежника. Указомъ Сената отъ 1-го Іюля 1765 года, объявленнымъ во всей губерніи, обѣщано было тому, кто поймаетъ и приведетъ Каменщикова, хотя бы и былъ главнымъ его сообщникомъ, награжденія 50 руб. и прощеніе вины. Между тѣмъ Слудниковъ, вѣроятно, предвидя худой конецъ своей попытки, вздумалъ страннымъ и дерзкимъ образомъ укрыться отъ преслѣдованій. Онъ объявилъ крестьянамъ, что намѣренъ ѣхать въ Петербургъ хлопотать за нихъ и требовалъ себѣ выборныхъ отъ міра, которые бы вмѣстѣ съ нимъ подали тамъ челобитную. Крестьяне не замедлили склониться на его требованіе, а одинъ Священникъ села Охлушевскаго, по приказанію Каменщикова, приводилъ Масленскихъ и Борневскихъ крестьянъ въ числѣ 500 человекъ къ присягѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, всѣ ли они согласны подать жалобу на обидчиковъ. Наконецъ выборными отъ міра явились отъ крестьянъ Масленскаго острога для принесенія жалобы на заводскихъ прикащиковъ Егоръ Прокофьевъ и Кирила Ширяевъ, а отъ жителей Буткинской слободы по дѣлу о спорной землѣ ихъ съ Татарами Семень и Никита Телминовы. Съ ними и съ женою своею Василисой Лукьяновой Каменщиковъ отправился въ столицу. На пути,

Казанскаго уѣзда въ деревнѣ Починокъ, въ день Апостоловъ Петра и Павла, онъ стрѣлялъ изъ ружья, приказывалъ считать народъ при выходѣ людей изъ церкви, и взялъ съ собою случившагося въ этой деревнѣ двороваго челоуѣка отставнаго Морскаго Капитана Аристовъ, Ѳедора Андреева, общая представить его Государынѣ за то, что онъ объявилъ ему, будто тамошніе помѣщики, въ томъ числѣ и Аристовъ, рѣшились убить его. По дорогѣ въ Петербургъ, Каменщиковъ бралъ себѣ подводы и проводниковъ, называясь то курьеромъ, то Вахмистромъ Бахметевымъ, то «Полковникомъ, а по выслугѣ Генераломъ»; такимъ образомъ онъ доѣхалъ до столицы, гдѣ сталъ на квартиру къ монастырскому писарю Ивану Сажину, который и сочинилъ Каменщикову челобитную въ 48 пунктахъ. Отъ Сажина онъ перешелъ въ домъ къ помѣщичьему бѣглому слугѣ, Алексѣю Васильеву. Но тутъ счастье измѣнило Каменщикову. Одинъ изъ его спутниковъ, Никита Тельминовъ, прельстясь обѣщаннымъ награжденіемъ за поимку преступника, явился въ Главную Полицеймейстерскую Канцелярію и донесъ на него. Каменщиковъ былъ схваченъ съ остальными сообщниками своими. Сначала ихъ допрашивали въ Сенатѣ, потомъ въ Главной Полицеймейстерской Канцеляріи. Такъ какъ изъ допросовъ этихъ «о прямомъ его, Каменщикова, злоумышленномъ намѣреніи не открылось», то Сенатъ рѣшилъ отправить его съ товарищами въ Оренбургъ и приказать Оренбургской Губернскаго Канцеляріи дослѣдо-

вать дѣло на мѣстѣ преступленія, судить виновныхъ и рапортовать въ Сенатъ. Преступники прибыли въ Оренбургъ 8 Марта. По окончаніи слѣдствія, по которому ничего почти новаго не открылось, 18 Октября Губернская Канцелярія присудила Каменщикова и Мерзлякова къ наказанію кнутомъ, вырѣзанію ноздрей и къ отсылкѣ въ Сибирь на Нерчинскіе заводы въ тягчайшую работу вѣчно; а Семена Телминова, Федора Андреева, Ивана Шимолина, Сергѣя Телминова, у котораго Каменщиковъ ставвалъ на квартирѣ, къ наказанію кнутомъ, Прокофьева же и Ширяева къ наказанію плетью.

О такихъ наказаніяхъ, совершенныхъ публично, велѣно было Исетской Провинціальной Канцеляріи объявить всѣмъ подвѣдомственнымъ ей мѣстамъ. Не смотря на то, крестьяне, бунтовавшіе за одно съ Каменщиковымъ, не вѣрили еще ни наказанію, ни ссылкѣ его, и по словамъ многихъ изъ нихъ, онъ бывъ здоровъ, невредимъ и на свободѣ.

Конечно, мысль эта была нелѣпа и пуста, но надобно сознаться, что и въ ней таилось доказательство несчастнаго расположенія къ мятежникамъ. Вѣра въ неприкосновенность и безнаказанность бунтовщиковъ, а что еще хуже, желаніе видѣть въ нихъ мучениковъ, тѣснимыхъ за общій интересъ,—все это обѣщало мало хорошаго. Начальству нужно было усмирять умы; одного этого было уже достаточно, чтобы держать его постоянно въ хлопотахъ, а тутъ какъ бы нарочно стали возникать

ежеминутно новыя дѣла, которыхъ нельзя было ни отложить, ни оставить безъ вниманія; однимъ изъ такихъ дѣлъ была возникшая въ то время тяжба у Ордынцевъ съ Яицкими Казаками и съ Калмыками.

Припомнимъ, что еще въ 1760 году Яицкіе Казаки и Калмыки за одно отогнали лошадей у Киргизовъ, которые не замедлили отплатить имъ тѣмъ же, а сверхъ того захватили въ плѣнъ нѣсколько Казаковъ. Плѣнные, не смотря на все требованія Начальства, не были возвращены; а большая часть захваченнаго Киргизскаго скота осталась въ рукахъ Калмыковъ и Казаковъ. Конечно, Ордынцы страдали за собственный свой грѣхъ, за неумѣстное упрямство; но поводъ къ грабежу подали не они; они считали себя обиженными, и винили Начальство въ несправедливости, а Хана въ слабости и потворствѣ Русскимъ. Эти мятежныя мысли быстро развивались въ Ордѣ, а Казаки не переставали тѣснить Киргизъ, Калмыки же, пользуясь слабымъ присмотромъ владѣльцевъ, ссорившихся между собою, то и дѣло покушались на новыя воровства: около 1762 года, какъ говорилъ Нурали, они отогнали у Кайсаковъ до 10,000 лошадей, и возвратили изъ нихъ только 1200, и то худыхъ; въ томъ же году они захватили 155 лошадей, принадлежавшихъ самому Хану, и, не смотря на настоятельныя его просьбы, отдали только 51 лошадь. Что же оставалось дѣлать Киргизамъ? По ихъ характеру и обычаямъ, слѣдовало мстить врагамъ и платить зломъ за зло. Въ ихъ глазахъ самымъ

простымъ и дѣйствительнымъ средствомъ—было самоуправство. Надѣясь на это, Ордынцы пустились воровать, крали скотъ по линіи у Казаковъ, и чтобы оставаться безнаказанными, тотчасъ же удалялись въ глубь степи. Тщетно Ханъ, опасавшійся отвѣтственности, подчасъ старался удерживать ихъ и принуждалъ къ возвращенію пограбленнаго. Кайсаки, въ главѣ которыхъ стояли непокорные Старшины, презирали его внушенія и продолжали дѣйствовать по прежнему. Этимъ они только вредили себѣ и навлекали еще большія бѣды. Яцкіе Казаки, храбрые и неутомимые въ наѣздахъ, вовсе не были расположены уступать въ чемъ либо Ордынцамъ. Пользуясь тѣмъ, что Нурали, съ приверженными ему племенами, кочевалъ зимою по рѣкѣ Яику, они ловили пастуховъ его, раздѣвали ихъ до-нага и отнимали лошадей и барановъ. Въ 1766 году, когда сынъ Хана, Пирали, шелъ разъ съ пастухами своими во время бурана, чтобы загнать обратно въ степь лошадей, которыя пались въ займищѣ по Яику, Казаки напали на Султана и стали стрѣлять въ него (*). Подобнаго рода буйства

(*) За совершенную справедливость сказаннаго о дерзкихъ поступкахъ Казаковъ я не смѣю ручаться; я извлекъ разсказъ объ нихъ изъ жалобы Нуралія, поданной на Высочайшее Имя; можетъ быть онъ преувеличенъ, а можетъ быть и нѣтъ. Въ послѣдствіи было произведено розысканіе объ обидѣ, нанесенной Пиралію; Казаки отпирались, но это еще не составляетъ доказательства ихъ виновности.

вызывали Киргизовъ на новые грабежи. Угоны скота у Яицкихъ Казаковъ становились чаще; Ордынцы воровали и бѣжали въ степь вдаль отъ линіи. Тогда Казаки, за которыхъ стояло Начальство, выборное изъ среды ихъ же самихъ, писали въ Оренбургъ жалобы, не рѣдко преувеличивая число ограбленнаго скота. Губернаторъ, не въ силахъ будучи дознаться истины, предписывалъ Хану взыскать скотъ; Киргизы не соглашались; »если намъ не возвращаютъ ограбленныхъ у насъ лошадей, говорили они, то за чѣмъ же мы станемъ отдавать скотъ, который мы сами отогнали.« Вотъ каковъ былъ обыкновенный отвѣтъ ихъ на увѣщанія Нуралія. Губернаторъ, не видя конца безпорядкамъ, прибѣгалъ наконецъ къ мѣрамъ болѣе дѣйствительнымъ и разрѣшалъ баранту. Команды Яицкихъ Казаковъ выходили въ степь, бросались на улусы, иногда отгоняли цѣлые косяки лошадей, и возвращались домой съ богатою добычею. Къ несчастію случалось, что при этихъ свалкахъ, страдали невинные роды, которые спокойно располагались около линіи. Грабители, сознавая за собою проступки и предугадывая должное наказаніе, всегда заранѣе, еще до прихода команды, успѣвали откочевывать въ дальнія мѣста, гдѣ никакое законное преслѣдованіе не могло ихъ коснуться. Легко себѣ представить, каковы были послѣдствія такихъ трудныхъ обстоятельствъ. Киргизы изъ личныхъ выгодъ пристращались къ кражѣ. Воръ жилъ спокойнѣе и богаче, чѣмъ человѣкъ скромный и тихій; въ кругу собра-

ній его честили и уважали, какъ удалца (Батыря); въ нихъ и въ буйныхъ Старшинахъ онъ находилъ себѣ защиту и вѣрную опору.

Плодомъ безначалія былъ упадокъ Ханской власти, въ самомъ существѣ своемъ не прочной и понесшей уже не мало ударовъ. Къ чему, думали про себя опрометчивые и своевольные Ордынцы, будемъ мы питать уваженіе къ человѣку, который не въ силахъ защитить не только насъ, но даже себя и сыновей своихъ отъ нападковъ Русскихъ, подвластныхъ тому же самому Правительству, которое признало и утвердило его Ханомъ. Кайсаки начинали уже презирать Нуралія, не слушались его, и говорили, будто онъ за одно съ Русскими согласился истребить ихъ; изъ дикаго невѣжества и свойственной имъ подозрительности они не могли объяснить себѣ иначе его дѣйствій, когда онъ, по приказанію Губернатора, выскивалъ съ нихъ скотъ и т. п. Нурали не разъ писалъ объ этомъ въ Оренбургъ, но тамошнее Начальство продолжительнымъ опытомъ приведено было къ недоувѣрчивости и видя, съ какою медленностью исполняются въ степи требованія Правительства, подозрѣвало Нуралія въ потворствѣ виновнымъ, въ нерадѣніи и слабости, а потому вмѣсто просимаго пособія, Ханъ получалъ упреки и выговоры. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, съ прискорбіемъ сознавалъ онъ свое грустное положеніе и въ будущемъ предвидѣлъ одну горькую участь.

Въ настоящую минуту ему было необходимо какое либо средство, чтобы выйти изъ столь тягостнаго состоянія. Въ молодости своей, возведенный послѣ Абуль-Хайра въ Ханы, онъ, какъ мы видѣли, мечталъ о многомъ и считалъ возможнымъ служить вмѣстѣ и Царю Русскому, и прихотямъ подданныхъ своихъ Кайсаковъ; общая безъ исполненія одному, лъстя и потворствуя другимъ, онъ мыслилъ о завоеваніи Хивы, думалъ смирить Старшинъ, соединить Киргизовъ подъ своею властью въ одно цѣлое, а быть можетъ со временемъ отложиться отъ Русскихъ и основать независимое Государство. Но на его бѣду въ этомъ дѣлѣ съ перваго шагу встрѣтились непреодолимые препятствія. Біи, стоявшіе въ главѣ родовъ, не хотѣли отказаться отъ своихъ личныхъ выгодъ; явился сильный соперникъ Батырь, принимавшій подъ свою защиту и враговъ Хана, и вѣсть недовольныхъ имъ. Хива и владѣтель ея Каншъ смѣялись надъ угрозами Нуралія. Власть Хана, вмѣсто того, чтобы возрастать, замѣтно ослабѣвала вслѣдствіе внутреннихъ несогласій въ самой Ордѣ. Тщетно старался онъ поддержать ее. Пограничное Начальство, встревоженное первыми попытками, не довѣряло его словамъ, и если принимало средства, имъ предлагаемыя, то какъ бы не хотя и обращало ихъ во вредъ ему; такимъ образомъ баранта, о которой такъ усердно просилъ Ханъ, послужила только ему во зло и навлекла на него презрѣніе Кайсаковъ. Поздно уже было Нуралію думать о томъ, чтобы возвратить себѣ любовь народа;

когда онъ прежде не былъ въ силахъ удержать ее, то могъ ли надѣяться теперь, не имѣя ни средствъ, ни досуга, снова снискать ее. Вполнѣ сознавая эту истину, онъ не замедлилъ прибѣгнуть къ послѣдному средству, отъ котораго могъ еще ждать нѣкотораго успѣха. Нурали рѣшился на время бросить всѣ свои честолюбивые замыслы, оставить Киргизовъ на произволь судьбы и Русскихъ, и думать только о себѣ, и о томъ, какъ бы удержать въ своемъ семействѣ Ханское достоинство.

Съ этою двойкою цѣлью онъ вознамѣрился отправить посланцевъ къ Императрицѣ, объяснить Ей положеніе свое и просить Ея Высокаго покровительства. Хану было не трудно привести эту мысль въ исполненіе. Еще указомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ отъ 18 Апрѣля 1756 г. разрѣшено ему было отправлять къ Двору каждые два или три года кого либо изъ дѣтей своихъ, или братьевъ, или же изъ родственниковъ ему Султановъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ Старшинъ. На этомъ основаніи, въ Февразѣ 1762 года, ѣздилъ въ Петербургъ зять Нуралія Джанбекъ-Султанъ съ 5 Старшинами, съ Писаремъ Хана, и съ тремя его Теленгутами. Съ тѣхъ поръ въ продолженіе 5-ти лѣтъ Ханъ своими посольствами не утруждалъ Государыни. Слѣдовательно теперь онъ могъ надѣяться на милостивое согласіе Ея къ приему довѣренныхъ отъ Орды. Кстати въ то же время вышелъ срокъ сыну его Аблай-Султану, находившемуся въ аманатахъ.

Нурали воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ и, отправивъ въ Оренбургъ на смѣну Аблая другаго сына своего, Артукали Султана (12 лѣтъ), вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ еще сына же своего Бикали Султана, Старшину Акмузу и 6 служителей. Лица эти должны были явиться къ Генераль-Маіору Ланову (управлявшему тогда губерніею за отсутствіемъ Путятина) и ждать отъ него дозволенія ѣхать въ Петербургъ, чтобы тамъ лично представить Императрицѣ письменную просьбу Хана.

Просьба эта начиналась съ жалобы на Калмыковъ и на Яицкихъ Казаковъ. Ханъ, обнаруживая всю злобу на нихъ своего народа, уличалъ ихъ въ грабежахъ и ябедахъ, тутъ же винилъ и мѣстное Начальство въ излишнемъ довѣрїи къ ихъ лживымъ словамъ и въ притѣсненїяхъ ему и Ордынцамъ (*). Послѣ многихъ и долгихъ

(*) Взысканіе съ Киргизовъ и баранта—были двѣ вещи, на которыя особенно жаловался Ханъ. За тѣмъ слѣдовало нѣсколько другихъ жалобъ. Нурали утверждалъ, будто бы Начальство, въ противность Высочайшему указу, не правильно поступало съ Киргизскими плѣнниками, выбѣгавшими на линїю. «Тѣхъ изъ нихъ, говорилъ онъ, которые даже не желаютъ креститься, оно держитъ у себя. Приметь-ли кто Христіанство, то и тутъ дѣлается намъ притѣсненіе вещи, лошадь или верблюдъ, съ которыми онъ бѣжалъ изъ Орды, намъ не возвращаются. Только на мои запросы объ этомъ пишется маѣ каждый разъ, что они отданы въ уплату Графскимъ людямъ (т. е. крестьянамъ Графа Шереметева, Пономареву и другимъ) за скотъ, ограбленный у нихъ Джагалбайлициами. Правда, Джагалбайлици виноваты и слѣдуетъ съ нихъ

объясненій, онъ приходилъ къ тому выводу, что Киргизы, тревожимые частыми обидами, ежеминутно покушаются на воровства, которыхъ ему прекратить не возможно; что, видя его слабость, Русскіе пренебрегаютъ имъ, а Киргизы перестаютъ ему повиноваться; что въ будущемъ тѣснымъ Кайсакамъ не предстоитъ ничего, кромѣ слезъ, а ему самому, кромѣ окончательной потери власти надъ подданнымъ ему народомъ. »Если, продолжалъ Нурали, Киргизы заслужили гнѣвъ Вашего Величества, то пусть дадутъ мнѣ средства и силы ихъ искоренить; если же напротивъ Вы считаете ихъ нужными слугами, то не благоугодно ли будетъ назначить отъ Сябя, кромѣ Оренбургскаго Губернатора, благонадежнаго человѣка, который бы пріѣхалъ на мѣсто разобратъ ссоры между Ордынцами и линейными жителями.« Ханъ вызывался сопутствовать этому чиновнику при всѣхъ проѣздахъ его по крѣпостямъ линіи.

»взыскать; за чѣмъ же терпятъ Киргизы всѣхъ родовъ. Къ тому же за чѣмъ намъ не дается знать, сколько лошадей, верблюдовъ и вещей принято по цѣнѣ; ни наши люди не призываются къ оцѣнкѣ;« Другая жалоба Хана на Начальство состояла въ слѣдующемъ: по Высочайшему указу, какъ говорилъ онъ, издавна отпускалось ему ежегодно хлѣбное жалованье, иногда 100 четвертей, а иногда и болѣе, мѣра, впрочемъ, которая всегда оказывалась, по его словамъ, не достаточною на всю зиму. »Теперь уже, писалъ Нурали, прошло три года, какъ я во все не получалъ этого жалованья. Недавно послалъ я къ Губернатору и просилъ его выслать хлѣба, тотъ же отвѣчалъ мнѣ, что за случившимся неурожаемъ можетъ отпустить только 40 четвертей.«

Ясно, къ чему клонились при такой просьбѣ мысли Нуралія. Конечно, онъ не столько заботился о благосостояніи народа, сколько о своей собственной пользѣ. Долголѣтній опытъ указалъ, какъ мало могъ онъ ждать для себя выгодъ отъ присутствія мѣстнаго Начальства. Имѣя особые виды, оно не заботилось поддержать его въ степи; къ тому же, зная его по прежнимъ дѣйствіямъ, оно не всегда уважало его представленія. Новый человѣкъ, въ особенности такой, какого желалъ Ханъ—близкій къ Государынѣ, могъ дать дѣламъ противный оборотъ. Присланный какъ бы для повѣрки распоряженій Оренбургскихъ Начальниковъ, чиновникъ этотъ можетъ быть сталъ бы смотрѣть на нихъ съ недоверіемъ. Пользуясь этимъ и его неопытностью въ дѣлѣ, для него совершенно новомъ, Ханъ надѣялся склонить его на свою сторону, внушить ему свои мысли и передать ихъ чрезъ его посредство Государынѣ. Такимъ образомъ пріѣздъ чиновника долженъ былъ служить только орудіемъ къ лучшему и скорѣйшему исполненію плановъ Нуралія, исключительно клонившихся въ его личную пользу. Покажемъ теперь, въ чемъ состояли эти планы. Въ той же просьбѣ своей на Высочайшее Имя, гдѣ онъ жаловался на Калмыковъ и на Яицкихъ Казаковъ, онъ упоминалъ и объ нихъ въ нѣсколькихъ словахъ. Указомъ Ея Величества велѣно было построить для него крѣпость при устьѣ рѣки Эмбы. Безпокойства среди Киргизовъ воспрепятствовали этому, и Нурали еще 11 Января 1767 года

ходатайствоваль у Канцлера Князя Голицына о дозволеніи построить крѣпость въ степи, ближе къ границѣ по Яику, на томъ мѣстѣ, которое онъ избереть самъ. Въ настоящую минуту Хачъ возобновилъ свое представленіе; желаніе его какъ будто согласовалось съ предназначеніями Правительства: еще прежде оно предлагало основать при линіи городокъ и кладбище. Въ сущности же, въ мысляхъ Хана таилась особая цѣль. Часть Кайсаковъ была ему не покорна; онъ не совсѣмъ надѣялся и на тѣхъ, которые оставались при немъ и показывали видъ преданности. При устьѣ Эмбы, гдѣ стояли менѣе всѣхъ надежные роды, онъ едвалибъ удержался одинъ, среди не доброжелателей, расположенныхъ смотрѣть съ негодованіемъ на всякую постройку въ степи. Совершенно иначе представлялась ему крѣпость вблизи самой линіи; онъ былъ въ состояніи при случаѣ опереться на защиту Русскихъ. Недовольные Киргизы не посмѣли бы тутъ тревожить его; скорѣе онъ могъ казаться имъ страшнымъ и, дѣйствуя на нихъ силою, возвратить себѣ утраченную власть. Какъ видно, такъ понималъ дѣло и Нурали. когда онъ къ просьбѣ о построеніи крѣпости около границы, присовокуплялъ требованіе, чтобъ ему данъ былъ полкъ, который бы всегда находился въ его распоряженіи. При помощи его и крѣпости онъ ручался установить порядокъ въ Ордѣ; когда же Киргизы успокоятся, говорилъ онъ, тогда можно будетъ построить укрѣпленіе и на устьѣ рѣки Эмбы.

Всѣ эти предположенія касались одного Хана и долж-
 ны были служить только къ упроченію его личнаго влі-
 янія въ степи, но ни одно изъ нихъ не обезпечивало
 судьбы его семейства, и не утверждало за дѣтьми его
 неотъемлемаго права управлять Ордою. При принятіи
 Абуль-Хайра въ подданство Россіи, Правительство дало
 слово присвоить Ханство исключительно его потомкамъ.
 Нуралію это обѣщаніе казалось не достаточнымъ. Подъ
 именемъ потомковъ понимались всѣ лица, которыя про-
 исходили отъ его покойнаго родителя; древній обычай
 выбора Хановъ не былъ отмѣненъ, и народъ по смѣрти
 его могъ поставить въ главѣ управленія любаго изъ нихъ.
 Такая очевидная шаткость наслѣдія возбуждала въ Нураліѣ
 негодованіе; онъ не былъ въ силахъ довольствоваться
 тою мыслию, что со временемъ мѣсто его заступитъ кто
 либо изъ родственниковъ. Честолюбіе требовало больша-
 го: у него были дѣти, онъ дорожилъ ихъ благомъ и въ
 упроченіи ихъ власти видѣлъ какъ бы продолженіе своей
 собственной. Во что бы ни стало, онъ хотѣлъ передать
 свое достоинство въ ихъ руки, и въ душѣ терзался, ду-
 мая о препятствіяхъ и преградахъ, которыя бы окружили
 ихъ по его смерти; въ Ханскомъ родѣ онъ насчитывалъ
 множество соперниковъ, среди коихъ были и опасные.
 Иралій и Айчувакъ пользовались нѣкоторымъ довѣріемъ
 Ордынцевъ, въ особенности же тѣхъ родовъ, которыми
 они правили. Они слушали Нуралія, какъ старшаго брата,
 котораго въ добавокъ самъ отецъ, умирая, назначилъ въ

наслѣдники. Но къ дѣтямъ его они не были привязаны ни какими узами. Могли-ли они уважать мальчиковъ, выросшихъ у нихъ предъ глазами, и еще не отличившихся никакимъ подвигомъ? Къ тому же, какъ старшіе въ родѣ (*), захотѣли-ли бы они признать себя слугами племянниковъ? Эти два обстоятельства сильно говорили противъ нихъ. На выборахъ перевѣсъ легко бы остался на ихъ сторонѣ. Киргизовъ стоило только не много двинуть, и они съ радостью подали бы голоеъ въ пользу сыновей Абуль-Хайра, которыхъ они съ дѣтства привыкли считать старшими между собой. Правительство быть можетъ не стало бы противиться такой учтивости народа. Оно цѣнило умъ Айчувака и Ираля и вліяніе ихъ на Ордынцевъ, а что всего важнѣе, переписываясь и переговаривая съ ними уже съ давнихъ поръ, знало ихъ характеръ, понимало, чего можно было ждать и какъ съ ними уже обращаться; между тѣмъ дѣти Хана ему были рѣшительно не извѣстны. Такъ рассуждалъ Ханъ и мысли эти тревожили его; что бы успокоиться и добиться своей цѣли, онъ сталъ искать средства и остановился на томъ, которое казалось ему самымъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ: онъ задумалъ отстранить неважист-

(*) Киргизы въ понятіяхъ своихъ о старшинствѣ сохранили пѣчто патріархальное: у нихъ дядя садится выше племянника; онъ *ага* (старшій), а этотъ остается *ими* (младшій).

ный для него обычай выбора, и побудить Правительство какимъ либо поступкомъ явно, въ глазахъ цѣлаго народа, утвердить на дѣлѣ право наслѣдія въ его линіи. Съ этою цѣлію Нурали просилъ Государыню назначить еще при жизни его Намѣстникомъ Ханства одного изъ дѣтей его: Исалия, или Пиралия. Онъ самъ не переставалъ бы властвовать въ Ордѣ, а сынъ, назначенный въ будущіе Ханы, привыкалъ бы, подъ его надзоромъ, управлять Киргизами. Излагая такого рода предложеніе, Нурали, что бы еще болѣе придать ему вѣса, ссылался на примѣръ Калмыцкаго Хана Дондукъ-Даши, испросившаго намѣстническое достоинство сыну своему Убашію, который и наслѣдовалъ ему спокойно и тихо.

Когда съ просьбою Хана на Высочайшее Имя прибылъ въ Оренбургъ Бикали съ своими спутниками, то Лановъ, не находя ни какого препятствія къ поѣздкѣ ихъ ко Двору, снарядилъ ихъ по прежнимъ примѣрамъ одеждою, и въ сопровожденіи Урядника Авдѣева отправилъ въ столицу (31 Октября 1767). Вмѣстѣ съ ними поѣхало двое людей отъ Ирали Султана, который желалъ видѣть при Дворѣ и своихъ посланцевъ. Въ донесеніи своемъ Государынѣ Ирали ссылался во всемъ на просьбу брата, присовокупляя только, что онъ, по приказанію Хана, вмѣстѣ съ сыновьями его Исалиемъ и Пиралиемъ и братомъ своимъ Айчувакомъ, идетъ съ войскомъ противъ Хивы, что бы обезопасить торговый путь въ Оренбургъ.

2p
1972:

599

